

Мир науки. Педагогика и психология / World of Science. Pedagogy and psychology <https://mir-nauki.com>

2020, №2, Том 8 / 2020, No 2, Vol 8 <https://mir-nauki.com/issue-2-2020.html>

URL статьи: <https://mir-nauki.com/PDF/66PDMN220.pdf>

Ссылка для цитирования этой статьи:

Кнорц О.В. Ментальные сценарии с семантикой «неправда» в русской языковой картине мира (в сопоставлении с китайской) // Мир науки. Педагогика и психология, 2020 №2, <https://mir-nauki.com/PDF/66PDMN220.pdf> (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ.

For citation:

Knorz O.V. (2020). Mental scenarios with semantics “untruth” in the Russian language picture of the world (in comparison with Chinese). *World of Science. Pedagogy and psychology*, [online] 2(8). Available at: <https://mir-nauki.com/PDF/66PDMN220.pdf> (in Russian)

УДК 81

ГРНТИ 16.41.99

Кнорц Ольга Владимировна

ФГБОУ ВО «Сибирский государственный университет путей сообщения», Новосибирск, Россия

Доцент кафедры «Русский язык и восточные языки»

Кандидат филологических наук, доцент

E-mail: knorz@yandex.ru

Ментальные сценарии с семантикой «неправда» в русской языковой картине мира (в сопоставлении с китайской)

Аннотация. Раскрытие темы, заявленной в настоящей статье, выполнено с позиций актуального сегодня лингвокогнитивного подхода, при котором основной целью исследований становится познание сути языкового сознания и глубинных различий между культурами. Феномены ментальных сценариев с семантикой «отсутствие правды (неправда)» изучены недостаточно, кроме того, изучение фрагмента русской языковой картины мира на фоне китайской позволяет выявить универсальные черты и национально-культурные особенности русского и китайского ментального сценария «неправды». Все это обуславливает актуальность настоящей работы. Целью является моделирование ментальной структуры «неправда» в русской языковой картины мира в сопоставлении с китайской. Объектом исследования стали ментальные сценарии с семантикой «отсутствие правды (неправда)» в русской языковой картине мира на фоне китайской. Материалом послужили данные Национального корпуса русского языка, русские и китайские паремии с семантикой «отсутствие правды (неправда)». Опираясь на теоретические работы в области когнитивной лингвистики, автор статьи анализирует соотношение двух ярко выраженных ее направлений – лингвокультурологического и лингвокогнитивного – и фокусирует исследовательский вектор на втором из них. В работе выделяются разновидности ментального сценария «вранья», определяются существенные различия между сценариями «лжи» и «вранья» в русском и китайском языках, а также описываются универсальные черты и национально-культурные особенности русского и китайского ментального сценария «неправды» на основе анализа данных Национального корпуса русского языка и пословичного материала. Проведенное исследование позволяет прийти к выводу о том, что ментальные сценарии с семантикой «отсутствие правды (неправды)» в китайской и русской языковой картине мира отличается своеобразием и уникальностью, а их изучение помогает глубже понять культуру каждого народа. Результаты исследования могут использоваться на занятиях по сопоставительной

лингвистике, в практике преподавании русского языка как иностранного, спецкурсах по когнитивной лингвистике и лингвокультурологии.

Ключевые слова: языковая картина мира; когнитивная лингвистика; лингвокультурология; лингвокогнитивистика; ментальные сценарии; концепт; неправда; ложь; вранье

Настоящее мини-исследование выполнено в русле лингвокогнитивного подхода – актуального направления лингвистических исследований, основной целью которого становится познание сути языкового сознания и глубинных различий между культурами. Когнитивное направление современной лингвистики является в последнее время одним из наиболее значимых и перспективных способов изучения различных языковых явлений. В этом случае язык выступает в качестве средства исследования ментальных сущностей (сценариев), способом же изучения специфики национальной концептосферы становится языковая картина мира (ЯКМ).

Актуальность работы состоит в том, что, во-первых, феномены ментальных сценариев с семантикой «отсутствие правды (неправда)» изучены недостаточно, и, во-вторых, в том, что изучение фрагмента русской языковой картины мира (ЯКМ) на фоне китайской позволяет выявить универсальные черты и национально-культурные особенности русского и китайского ментального сценария неправды.

Целью исследования является моделирование ментальной структуры «неправда» в китайской и русской ЯКМ как центральной составляющей национальных картин мира данных народов.

Объект исследования – ментальные сценарии с семантикой «отсутствие правды (неправда)» в русской языковой картине мира на фоне китайской.

Материалом исследования послужили данные Национального корпуса русского языка [1], русские и китайские пословицы с семантикой «отсутствие правды (неправда)».

Понятие ментального сценария (концепта) является важнейшей культурно значимой составляющей когнитивной системы. В когнитивной лингвистике существует два ярко выраженных направления исследования концептов – лингвокультурологическое и лингвокогнитивное.

В рамках первого, лингвокультурологического, направления вектор изучения концепта выбран от культуры к индивидуальному сознанию ее носителей. В рамках же второго, лингвокогнитивного, направления концепты – это индивидуальные содержательные ментальные образования, изучающие специфику национальной языковой картины мира от индивидуального сознания к культуре.

Оба подхода имеют право на существование, поскольку «концепт как ментальное образование в сознании индивида есть выход на концептосферу социума, то есть, в конечном счете, на культуру, а концепт как единица культуры есть фиксация коллективного опыта, который становится достоянием индивида» [2, с. 139]. С позиций обоих подходов уже изучены многие ментальные зоны и языковые способы их представления, в настоящем же мини-исследовании мы с позиции второго, лингвокогнитивного, направления предприняли попытку соотнести ментальные сценарии с семантикой «отсутствие правды (неправды)» в китайской и русской национальных картинах мира.

Понятие *неправды* и его бином *правда*, являющиеся одними из базовых противоречивых, не устойчивых и синкретичных понятий человеческой культуры [3], используется не только в философии, религии, праве и др., но и в лингвистике.

Неправда во многих словарях толкуется через понятия лжи и отсутствия истины, не соответствия действительности. Ср. **неправда** – то, что противоречит истине; ложь [4]. **Неправда** – то, что противоречит правде, истине; ложь [5]. **Неправда** – (1) то, что противоречит истине; ложь; (2) обман, мошенничество [6].

Словарь синонимов выделяет 37 синонимов этого слова [7]: *зло; ложь; обман; свист; выдумка; несправедливость; вранье; вата; клевета; вымысел; вздор; неверно; басня; деза; треп; дезинформация; измышление; гон; туфта; брехня; лажка; кривда; враки; ври больше; брех; намеренное искажение истины; бабские забобоны; сначала они жили бедно, а потом их обокрали; мультка; гонилово; пустобрехство; чихня; фейк; побрехушка; лганье; дребездень; дезуха*. На первом месте по частоте на 1000 употреблений стоит отношение к этому явлению – отрицательный оценочный компонент *зло*. Из ментальных сценариев самым употребительным является концепт *ложь*. Для исследования кроме этого сценария нами также был выбран еще один сценарий из списка синонимов – *вранье*, занимающий в данном ряду 7 позицию. Данный выбор был сделан неслучайно, в языковом сознании русских очень часто данные синонимы выступают либо в одном синонимическом ряду, ср.: *Ложь, наглая ложь, враньё несусветное – но как легка походка, как грациозно покачивается таз, когда скрипучая тяжесть тела переносится с ноги на ногу, а движения бёдер намекают на их волнообразные подъёмы и опускания в иной плоскости* (А. Азольский). – *А твой чучмек командование Красной Армии вырезал. – Это ложь, вранье и подтасовка* (В. Крупин).

Либо как контекстуальные антонимы. Ср.: *Умею **врать**, но не умею **лгать**. / Вранье я не считаю преступленьем... / Вранье не знает петель и сетей: / Оно – удел поэтов и детей. / Совсем другое дело, братцы, ложь, / Издревле ненавидимая всеми... / Попробуй расколоть ее на звенья, / Она слукавит: «Я – мировоззрень!»* (И. Сельвинский). *И снова, чуть приволакивая распухшие от жары ноги, Настя Каменская <...> думала о том, что в русском языке слово «правда» – только одно, а слов, противоположных по значению, куда больше: «обман», «ложь», «неправда», «вранье». Может, потому, что правда – проста, а ложь многолика?* (А. Маринина). В данном контексте появляются другие синонимы данного ментального сценария: «обман», «ложь», «неправда», «вранье». В настоящем мини-исследовании нас будут интересовать *ложь* и *вранье*. Как же проявляются данные ментальные сценарии в ЯКМ русских и китайцев?

В китайском языке данные понятия являются точными синонимами и обозначаются одним и тем же иероглифом 说谎. Пословица 说一句谎话, 就要用十句谎话自圆其说 переводится на русский язык как «прикрываем ложь только враньём» («прикрываем ложь только ложью»). Это говорит о том, что в китайской ЯКМ различий между этими понятиями нет.

В сознании же русских людей данные ментальные сценарии не являются идентичными, между ними существуют различия и очень существенные. По мнению Д.Н. Шмелева, ложь – это сознательное искажение истины, сознательное введение в заблуждение, высказанное с целью введения кого-либо в заблуждение, искажения фактов действительности, тогда как вранье – это разрушение истины, ложь, обман, введение в заблуждение того, кому эти сведения передаются. Ложь – это тяжелый труд, доступный не каждому (не все люди могут без последствий солгать), это процесс, когда человек хочет, чтобы ему поверили, тогда как вранье – процесс, когда человек, который врет, считает, что это неправда была бы хорошей правдой. Феномен вранья трактуется в русском языке через понятие лжи, таким образом, ложь – это более широкое понятие, чем вранье [8].

Нами выделено шесть существенных различий между ними.

Во-первых, данные ментальные сценарии различаются по наличию/отсутствию в их составе корысти – стремлению к собственной выгоде.

Ложь характеризуется тем, что в ней всегда присутствует корысть: *Александра смущала та ужасная ложь и бесстыдная корысть, которыми обычно руководствовались политики всех рангов и всех национальностей* (Г.И. Чулков). ...*Как хорошо было бы посвятить жизнь разоблачению поповской лжи и корысти...* (Д. Быков). *Народ опутан обманом и ложью; корысть овладела всеми – и не стало места доброму делу* (К.П. Победоносцев). Удивительно, что здесь синонимичными отношениями связаны два синонима ментального сценария «неправда» – обман и ложь, и оба они идут рука об руку с корыстью.

В составе вранья нет выгоды, корысти, расчета: *Русское вранье прежде всего нелепо. Говорил человек долго и хорошо и вдруг соврал: «А у меня тетка умерла. Соврал и сам изумился: тетка мало того, что не умерла, а через полчаса придет сюда, и все это знают. И никаких выгод от тетиной смерти он получить не может, и зачем соврал – неизвестно»... А то вдруг сообщит: «А меня вчера здорово побили». Тут уж совсем расчета не было врать: и не пожалуют, и еще, пожалуй, пользуясь предложом, действительно побьют. Но он соврал и кажется даже довольным, что поверили...* (Л. Андреев).

Во-вторых, и ложь, и вранье преследуют разные цели: если ложь предполагает сознательное введение собеседника в заблуждение с целью получить от этого некую практическую выгоду, то вранье преследует своей целью либо избегание наказания (чаще всего этим пользуются дети), либо желание произвести некое эстетическое впечатление от собеседника. Это послужило основанием для выделения двух видов вранья (по Д.Н. Шмелеву – трех): бытового вранья (цель – избежать наказания) и художественного вранья (цель – получить эстетический эффект). Продемонстрируем это на примерах.

Не всякая неправда – ложь. Честно было бы считать ложью такую неправду, из которой извлекается выгода (Ф. Искандер). ... *мне ни разу не пришлось видеть с его [героя – А.А. Назарова] стороны желание сказать неправду, так часто допускаемую лицами купеческой профессии, ради соблазна извлечения от лжи выгоды в свою пользу* (Н. Варенцов).

В-третьих, данные ментальные сценарии различаются по наличию/отсутствию в их составе оценочного компонента. По мнению Д.Н. Шмелева, в составе лжи оценочный компонент присутствует, тогда как в составе вранья его нет. Ср.: «Родители обычно объясняют детям, что врать нехорошо, но сама необходимость такого объяснения показывает, что отрицательный оценочный компонент не входит в значение глагола врать: высказывания лгать плохо или лгать нехорошо звучали бы тавтологично (а второе даже излишне мягко)» [8]. Хотя, как показывают наши наблюдения, оценочный компонент присутствует и в составе первого, и в составе второго ментального сценария. Русский ассоциативный словарь Ю.Н. Караулова [9] на втором месте на стимул *ложь* выдает слова с оценочным компонентом: *святая* (частота – 50), на четвертом месте – *плохо* (частота – 20). На стимул *вранье* также выдается лексема *плохо* (11), а также *бессовестное*, *бесстыдное*, *бесстыжее* (частота – 3) и *низость*, *отвратительное*, *отвратительное*, *пакость*, *подлое* (частота – 2) и др.

В-четвертых, ложь и вранье различаются по способности/неспособности лжесвидетельствовать – наносить ущерб третьим лицам. Ср.: «речевое действие, обозначаемое глаголом *лгать*, наносит ущерб третьим лицам, о которых лгущий человек распространяет лжесвидетельство, непосредственно нарушая тем самым девятую заповедь. Эта сторона дела отражена в производном глаголе *оболгать* <кого-либо>. Глагол *врать* не предполагает лжесвидетельства, и поэтому от него не образуется глагол **обоврать* <кого-либо> [8].

В-пятых, данные сценарии имеют стилистические различия. Чаще всего контексты с лексемами *лжи* характерны для высокого стиля, ср.: [Граф Манчини, отец Консуэллы, муж] *Круг? (Смеется) Нет, это он не врёт! Кстати, дитя мое, про баронов говорят: лжет, а не врёт* (Л.Н. Андреев). В уже упоминавшемся нами стихотворении И. Сельвинского «Ложь» говорится о том, что *вранье* «удел поэтов и детей», тогда как *ложь* – это целое «мировоззрение».

Виновен я: гордыней обуянный, обманывал я Бога и царей, я миру лгал (А.С. Пушкин). *Вы лжёте на меня* (А.Н. Островский). Контексты с лексемами *вранья* характерны для разговорного стиля и имеют усилительное значение, ср.: *Не верьте ему, он врёт. Врёт и не краснеет. Ври, да не завирайся* (погов.). *Врёт как сивый мерин* (усилит.).

В-шестых, *ложь* и *вранье* имеют гендерные отличия, *ложь* имеет мужскую природу, тогда как *вранье* – женскую: *Можно ли сравнивать крупную мужскую ложь, стратегическую, архитектурную, древнюю, как слово Каина, с милым женским враньем, в котором не усматривается никакого смысла-умысла, и даже корысти?* (Л. Улицкая).

Общую картину разграничения *вранья* и *лжи* схематично можно представить следующим образом:

Рисунок 1. Соотношение понятий «ложь» и «вранье»

Сам сценарий *вранья* при этом может быть представлен несколькими разновидностями. См. разновидности *вранья*:

Рисунок 2. Разновидности вранья

Во-первых, следует разграничивать подготовленность/неподготовленность ментального сценария. С этой точки зрения может быть выделено обдуманное/необдуманное вранье. Обдуманное вранье проявляется в подготовленности, чаще всего четкости и стройности построения фразы: *Во всех СМИ речь шла только о дефолте... Президент, отдыхавший тогда на Валдае, 14 августа цинично и обдуманно врал: «Девальвации не будет. Это я заявляю четко и твердо. И я тут не просто фантазирую, это все просчитано, каждые сутки проводится работа и контроль ситуации в этой сфере»* (Забывать о дефолте // «Криминальная хроника», 2003.06.24).

Необдуманное же вранье, напротив, отличается спонтанностью, нелогичностью и чаще всего сопровождается самокорректировкой. Языковыми средствами такого типа вранья являются, по мнению Д.Н. Шмелева, фразы «Где он живет?» – «На Остоженке ... **вру**, на Пречистенке» (разг. р.). А также предикаты: *не даст соврать, не соврать; не соврать бы; боюсь соврать; чтобы не соврать; боюсь, не соврать бы* и др.

Во-вторых, это цели вранья – избежать наказания / получить эстетический эффект. С этих позиций можно выделить бытовое и художественное вранье. Бытовое вранье имеет целью избежать наказания: *Вранье – штука бытовая, я врал всю жизнь. Правда, только женщинам.* (И. Губерман).

Для художественного же типа вранья характерно то, что оно преследует, скорее, развлекательную цель, получение эстетического эффекта, эмоционального воздействие на собеседника. Д.Н. Шмелев выделяет здесь лексемы *красиво врать; вдохновенно врать; приврать; приукрасить действительность. ... Леша, конечно же, всю эту бодягу сочинил, но я хочу немедленно дослушать его увлекательное и, несмотря ни на что, такое, черт побери, убедительное вранье!* (Д. Рубина). *Ну и привру для красоты слога или напутаю чего-нибудь* (В. Крейд). *Он ни за что не упустит возможности соврать, но трудно назвать это ложью, поскольку сочиняет Брют безо всякой выгоды, а только «из любви к искусству»* (И. Грошек). В данных примерах четко разводятся сценарии лжи и неправды и лжи и вранья (*соврать*) на основании наличия/отсутствия у них какой-либо выгоды. Кроме того, в последнем примере продемонстрирован один из типов вранья – художественное вранье (*только «из любви к искусству»*).

Примером синкретичного – бытового и художественного – вранья является один из «вредных советов» Г. Остера: *Если вы гуляли в шапке, а потом она пропала, – / Не волнуйтесь, дома маме можно что-нибудь соврать. / Но старайтесь врать красиво, чтобы, глядя восхищенно, / Затаив дыхание, мама долго слушала вранье* (Г. Остер). Здесь совет продуцирования ментального сценария вранья вызван, во-первых, возможностью уйти от

наказания (*Не волнуйтесь, дома маме можно что-нибудь соврать*). И, во-вторых, он будет эффективен лишь тогда, когда произведет должное впечатление на собеседника (*чтобы, глядя восхищенно, / Затаив дыхание, мама долго слушала вранье*).

В-третьих, существенными во вранье, также, как и при разграничении лжи и вранья, являются гендерные различия. Иногда отмечают, что мужчинам больше свойственно «бытовое вранье», а женщинам – «художественное вранье»: *Водораздел заметен еще в школе: мальчишки врут, чтобы избежать неприятностей, девочки – чтобы казаться интереснее. Взросление ничего принципиально не меняет: мужчины продолжают искажать реальность ради конкретной сиюминутной выгоды, а женщины – так, вообще, для красоты* (Е. Ямпольская). *Надо сказать, что Линьков терпеть не мог женского кривлянья и вранья... Если уши развесить, считал он, эти куколки такого наплетут, что только держись* (Т. Моспан).

Сопоставительный аспект разграничения сценариев лжи и вранья мы провели на материале китайских и русских пословиц. Данный спектр исследования выбран нами неслучайно. Именно в пословицах и поговорках фиксируется схема восприятия действительности, специфичная для того или иного народа, концентрируются знания о нем и о мире, раскрывается «сущность фольклорных идей о жизни и происхождении мира» [10, с. 46, 96, 103]. Исследование пословичного материала о лжи и вранье в китайском и русском языках позволило выявить следующее.

И ложь, и вранье в русской и китайской ЯКМ имеют два противоположных полюса.

С одной стороны, обе культуры позволяют говорить неправду. Например, в русских пословицах: *не совершишь – не проживешь; на язык пошлин нет: что хочет, то и лопочет; лгать – не устать, лишь бы верили* и др. В китайских пословицах: 无谎不成状。 / без лжи невозможно; 谎言短走不远。 / ложь не далеко.

С другой же стороны, они требуют всегда говорить правду, даже если та неприятна собеседнику. Ср. пословица *лучше горькая правда, чем сладкая ложь* по-китайски звучит практически одинаково: 一句真理, 胜过百句谎言。 / правда лучше, чем сотня лжи.

Кроме того, в эти понятия проявляются в сознании говорящих с нескольких позиций.

С одной позиции, ложь и вранье – это зло: *подлая ложь / 卑鄙的谎言*. Как говорят китайцы, *生命不可能从谎言中开出灿烂的鲜花 / жизнь не может расцвести во лжи*. Ложь намного хуже, чем правда: *苦涩的事实胜过甜言蜜语 / горькие факты говорят громче слов*. В русском сознании это звучит как *лучше горькая правда, чем сладкая ложь*. Люди, которые пользуются ложью в своей жизни, также негативно оцениваются окружающими, ср. выражение *волк в овечьей шкуре / 披着羊皮的狼* обозначает притворщика и лгуна. Китайская пословица *尔虞我诈 / взаимные обман и подозрение* (ты обманываешь меня, поэтому я тоже обманываю тебя), показывает лицемерие в общении людей. Русская пословица *у лжи короткие ноги / 谎言腿短* тоже обозначает отрицательное отношение окружающих к этому явлению и то, что это распознается ими очень быстро. Какой бы изощренной и виртуозной ни была ложь, рано или поздно она будет раскрыта. Ср. китайская пословица *谎言站不长 / ложь долго не стоит* (лжи не долго стоять / 谎言的船开不远。 / корабль лжи не далеко). А также пословицы: *狐狸总要露尾巴 / 谎言总会被揭穿。 / лиса не сможет скрывать свой хвост, вранье обязательно будет разоблачено; 宁可认错, 不可说谎。 / скорее признай ошибки, чем лги и несмотря на то, что ложь хорошо одета, в конце она всегда будет разоблачена / 谎言装扮虽不错到头总会被揭露*.

С другой же позиции, ложь и вранье – это добро (*святая ложь / 圣洁的谎言*), которая используется во благо [8]. Прежде всего, это, конечно, уже упомянутое нами художественное вранье, имеющее целью получение эстетического воздействия на собеседника – произвести впечатление на собеседника: *Всякая прибастка хороша с прикраской* (посл.). *У людей вруны – заслушаешься, а у нас вруны – соскучишься* (посл.). Кроме того, сюда может быть отнесена ложь врача, который скрывает правду от неизлечимо больного человека, или ложь разведчика: *善意的谎言 / добрая ложь, красивая ложь*. В китайской военной теории поощряется ложь, военная хитрость. Китайская поговорка *兵不厌诈 / в военном деле хитрость не исключается* – подчеркивает необходимость лжи и вранья в военном искусстве. Ложь во благо не считается китайцами обманом. По информации, приведенной в статье О. Мерёкиной [11], «ситуация, когда родственники и врачи утаивают от больного скорую смерть, ни в одном из случаев не вызвала возмущения. 11 человек из 14 однозначно одобрили поведение родных, а 3 из 14 определили его как вполне достойное». Во многих случаях китайцы будут врать, чтобы просто не расстраивать вас или дать вам возможность избежать неловкой ситуации. В западной культуре считается, что пациент имеет право знать о возможности скорой смерти, чтобы распорядиться оставшимся временем по своему усмотрению. В Китае же считается, что подобное знание может привести к неадекватным действиям со стороны умирающего, что, естественно, отразится на окружающих, и, выбирая между правами индивидуума и коллектива, они предпочитают второе.

Основное отличие китайского ментального сценария лжи и вранья от русского состоит в том, что в Китае они связаны с особенностями ритуалов, которые играют в жизни китайцев очень высокую роль. Китайские ритуалы составляют основу жизни народа, они позволяют сохранить гармонию в жизни и избежать в ней конфликтов и различных неловкостей. Без лжи жизнь для китайца была бы просто невозможна: *无谎不成状 / невозможно жить без лжи. 除了吐沫都是谎话 / все [в жизни], кроме плевков, – это ложь*. По мнению культурологов [11], основной особенностью всех коммуникаций в китайском обществе является вежливое и красивое вранье – так называемая «социальная» ложь и наигранная вежливость. На житейские бытовые вопросы типа «*учишься ли ты?*», «*пообедал ли ты?*», «*закончил ли ты работу?*» и др., где русские в большинстве скажут правду, китайцам следует отвечать, не задумываясь, всегда согласием и положительно. На любые нетактичные вопросы проще откровенно соврать, что будет свидетельствовать об уверенности в себе говорящего: *自诩和说谎, 二者正相仿 / уверенность в себе и ложь похожи*. В русском же языке понятия наигранная вежливость и «социальная» ложь, как правило отсутствуют.

В Китае абсолютно другое отношение ко лжи и вранью, их не стоит рассматривать с точки зрения русских этических норм и ценностей. Говорить правду – то, что у русских считается одобряемым поведением – у китайцев может быть расценено как глупость, простота или невоспитанность [11]. В понимании китайцев человек прямой и откровенный – это, как правило, либо человек, живущий в деревне, либо представитель национального меньшинства, либо ребенок, поэтому стремление такого человека говорить правду свидетельствует о нехватке мозгов или образования: *孩子和愚人不会扯谎。 / не лгут только дети или дураки*.

Куль вранья связан, по мнению специалистов с тем, что китайцы, как и большинство других азиатских народов, очень боятся потерять лицо, особенно публично, поэтому в обществе приходится врать в два раза больше. Китайцам практически невозможно признаться в незнании, даже там, где компетентности от них никто не ожидает, поэтому им проще согласиться и солгать, чем отказаться и сказать правду. С этим часто и связаны «провалы русско-китайских переговоров, когда китайцы соглашались с требованиями партнеров, изначально понимая, что выполнить их они при всем желании не смогут» [11].

Еще одно отличие китайских ментальных сценариев лжи и вранья от русских состоит в ассоциациях, связанных с этими понятиями. У китайцев они тесно переплетены с понятием хвастовства. Если в русской культуре хвастовство и художественное вранье не считаются изъясными, ср.: *всякая прибауска хороша с прикраской*, то у китайцев это осуждается. По мнению китайцев, плоха, прежде всего, та ложь, которая сопровождается хвастовством: *吹牛与说谎本是同宗. / хвастовство и ложь одинаковы. 最爱自吹自擂的人是最大的说谎者. / самый большой лжец это человек, который любит хвастаться собой.*

Итак, и в китайском, и в русском языках ложь и вранье, с одной стороны, оцениваются отрицательно, с другой стороны, оценка и отношение ко лжи и вранью рождаются под воздействием цели, мотива или желания человека. Как поступить в каждом конкретном случае, человек решает сам. Существуют существенные различия в отношении русских и китайцев к данным ментальным сценариям.

Таким образом, ментальные сценарии с семантикой «отсутствие правды (неправды)» в китайской и русской языковой картине мира отличается своеобразием и уникальностью, а его изучение помогает глубже понять культуру каждого народа и сделать важный шаг для установления контакта с представителями той или иной культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/new/> (дата обращения: 23.03.2020).
2. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград, 2002. – 477 с.
3. Перцова, Н.Н. Формализация толкования слова / Н.Н. Перцова. – М.: Московский университет, 1988. – 88 с.
4. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ushakov.slovaronline.com/35540-NEPRAVDA> (дата обращения: 23.03.2020).
5. Малый академический словарь. Неправда [Электронный ресурс]. URL: <https://rus-academic-dict.slovaronline.com/34259> (дата обращения: 23.03.2020).
6. Словарь Ефремовой. Неправда [Электронный ресурс]. URL: <https://znachenie-slova.ru/%D0%BD%D0%B5%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%B4%D0%B0> (дата обращения: 23.03.2020).
7. Словарь синонимов. Неправда [Электронный ресурс]. URL: <https://sinonim.org/s/%D0%BD%D0%B5%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%B4%D0%B0#downl> (дата обращения: 23.03.2020).
8. Шмелев А.Д. Ложь и вранье в русской языковой картине мира [Электронный ресурс]. URL: http://www.repnoe.net/upload/iblock/0c1/a.-shmele_v.-vrane_v-russkoi_yazykovoi_kartine-mira.pdf (дата обращения: 23.03.2020).
9. Русский ассоциативный словарь. В 2 т. / Ю.Н. Караулов и др. Ложь [Электронный ресурс]. URL: <http://thesaurus.ru/dict/> (дата обращения: 23.03.2020).
10. Dundes Alan Folk Ideas as Units of Worldview / Alan Dundes // Toward New Perspectives in Folklore / Eds. A. Paredes, R. Bauman. – Austin, London, Texas: Univ. of Texas Press, 1972. – S. 94–103.
11. Мерёкина О. Обман по-китайски [Электронный ресурс]. URL: <https://interesnoe.me/source-57302136/post-73269> (дата обращения: 23.03.2020).

Knorz Olga Vladimirovna

Siberian transport university, Novosibirsk, Russia
E-mail: knorz@yandex.ru

Mental scenarios with semantics “untruth” in the Russian language picture of the world (in comparison with Chinese)

Abstract. The disclosure of the topic stated in this article is made from the perspective of the current linguistic-cognitive approach, in which the main goal of research is to understand the essence of linguistic consciousness and the deep differences between cultures. The phenomena of mental scenarios with the semantics “lack of truth (untruth)” have not been studied enough; moreover, the study of a fragment of the Russian linguistic picture of the world against the background of the Chinese makes it possible to identify universal features and national-cultural features of the Russian and Chinese mental scenario of untruth. All this determines the relevance of this work. The goal is to model the mental structure of a lie in the Russian linguistic picture of the world in comparison with the Chinese. The object of the study was mental scenarios with the semantics “lack of truth (untruth)” in the Russian language picture of the world against the background of the Chinese. The material was the data of the National Corps of the Russian Language, Russian and Chinese proverbs with the semantics “absence of truth (untruth)”. Based on theoretical works in the field of cognitive linguistics, the author of the article analyzes the ratio of its two pronounced directions – linguoculturological and linguocognitive – and focuses the research vector on the second of them. The work identifies the varieties of the mental script of lies, identifies significant differences between the lies and lies in Russian and Chinese, and also describes the universal features and national-cultural characteristics of the Russian and Chinese mental scripts of untruth based on the analysis of the data of the National Corps of the Russian language and proverbial material. The study allows us to conclude that mental scenarios with the semantics of “lack of truth (untruth)” in the Chinese and Russian language picture of the world are peculiar and unique, and their study helps to better understand the culture of each people. The results of the study can be used in classes in comparative linguistics, in the practice of teaching Russian as a foreign language, special courses in cognitive linguistics and linguoculturology.

Keywords: linguistic picture of the world; cognitive linguistics; linguoculturology; linguistic cognitive science; mental scripts; concept; untruth; falsehood; lies